

Первый экзамен после разделения по профилям заставил понервничать всех: от руководства школы до самих учеников и их родителей.

Порядок проведения максимально приблизили к формату единого госэкзамена. Открывала марафон словесность. Впрочем, комплексные естественно-научные и гуманитарные дисциплины сдавали отдельно, хотя временную сетку выдерживали строго по правилам «гаокао».

Едва прозвенел звонок, Е Мянью выполз из аудитории и, сонный, поплёлся в свой класс. Из двух с половиной часов, отведённых на тест, добрых полтора он нагло проспал. На задних партах наблюдатели сквозь пальцы смотрели на подобных лежебок. С родным языком проблем не предвиделось: если есть хоть какая-то база и умение понимать прочитанное, а сочинение не уходит в дебри фантазий, зачёт обеспечен. Сдать на проходной балл — плёвое дело.

Е Мянью уткнулся носом в парту. В обед Чжан Фань пытался вытащить его в столовую, но безуспешно. Лишь перед началом дневного экзамена по математике парень нехотя распрямил затёкшую спину, вяло собрал в кулак гелевую ручку, мягкий карандаш 2В да ластик и поплёлся на заклание.

На этом профильном экзамене его соседа по парте не было. Е Мянью лениво размышлял, куда тот подевался. Вряд ли торчит в общежитии. Наверняка опять сбежал из школы. В глубине души он даже завидовал ему: не сдаёшь экзамены — не нужно потом краснеть за позорные баллы. Сплошное блаженство.

Когда математика осталась позади, в классе воцарилась гробовая тишина. Весь привычный гул как ветром сдуло.

— Гроб, а не экзамен! Зачем давать такую дичь на первом же профильном тесте? Всю самооценку ниже плинтуса опустили!

— Так для физмата математика всегда зубодробительная. Говорят, у гуманитариев задания — детские сказки, все задачи чисто на базовые формулы.

— Ну так у них и программа проще. Чёрт, резко захотелось перевестись на гум-профиль. Зачем я вообще в этот технариум полез?

А ведь следом за математикой шла физика. Стоило двум самым кошмарным предметам встать в расписании бок о бок, как после первого же дня экзаменов физматовцы поголовно впали в глухую депрессию.

На второй день все шли с настроением обречённых смертников. Но в состоянии полного пофигизма, когда на результат уже наплевать, дышится легче — и, как ни странно, пишется лучше. Да и три оставшихся теста оказались куда гуманнее.

После последнего звонка кабинет начал быстро заполняться. По правилам, ученикам полагалось дожидаться классного руководителя, выслушать напутствия на каникулы, провести генеральную уборку и лишь потом со спокойной совестью разбежаться по домам.

Чжан Фань распластался по парте и завыл на одной ноте:

— А-а-а-а! Всё, хана! Конец полугодия, прощай, весёлое лето! Я уже прямо вижу, как предки запрут меня дома и заставят зубрить эти чёртовы формулы с утра до ночи!

Собственная участь виделась ему верхом вселенской несправедливости. Вот почему его родители не могли быть чуточку современнее? Ну, знаете, из тех, кто считает: «Главное — чтобы ребёнок рос счастливым, а оценки — это просто цифры».

Лао Чжан не заставил себя долго ждать. Впрочем, задержись он хоть на минуту, толпа доброжелателей из числа отличников мигом добежала бы до учительской и притащила его за рукав.

— Так, потише, — Чжан Пинтао устало постучал по трибуне указкой. — Повторяю в сотый раз: на первом месте безопасность. На улице жара, так что никаких заплывов в реках без присмотра. Дома помогайте родителям по хозяйству. И помните, ваша главная задача сейчас — учёба. Каникулы длинные, расслабляться нельзя. Обязательно делайте домашние задания, читайте книги каждый день...

— Учитель, мы всё это наизусть знаем! — Ван Сяомин нетерпеливо потёр ладони. — Когда уже к уборке приступим? У меня аж руки чешутся поработать на благо класса!

Классный руководитель окинул взглядом притихший класс. Глаза ребят горели первобытным энтузиазмом. Такую жажду деятельности на их лицах можно было увидеть лишь раз в полугодие — перед самыми каникулами. Лао Чжан тихо вздохнул. Дети есть дети, только бы побеситься да поиграть.

Делегировав руководство уполномоченному по труду и велев распределить обязанности, учитель поспешил откланяться. График поджимал: впереди маячило бесконечное совещание у директора, а затем — стопки непроверенных бланков.

Из коридора долетел грохот: в кабинете вовсю ставили стулья на парты и шуршали швабрами.

Вспомнив об одной важной детали, Чжан Пинтао приоткрыл дверь и окликнул старосту по физике:

— Фан Ицзин, чуть не забыл! Раздай ребятам бланки согласия на летние факультативы. Пусть заполнят, а ты потом занесёшь их мне в кабинет.

— Хорошо, учитель Чжан! — отозвалась сидевшая у доски девушка, которая как раз аккуратно складывала мелки в коробку.

Достав из ящика стола пачку листов, Фан Ицзин огляделась. Одноклассники вовсю суетились, и лишь парни на задних партах лениво потягивались, не спеша включаться в работу.

Уполномоченный по труду вручил Е Мянью длинную метёлку и велел сбивать паутину под самым потолком.

«Он ведь наверняка откажется подписывать», — с тоской подумала Фан Ицзин. Времени оставалось в обрез, от силы час-другой. Может, всё-таки попытаться уговорить его?

Списки желающих записаться на курсы пролежали у неё в столе почти неделю, и все, кто хотел, давно расписались. Высокие ребята оккупировали углы класса с метёлками наперевес. Фан Ицзин судорожно сжала листки бумаги побелевшими пальцами и нерешительно двинулась в сторону Е Мян.

Сердце колотилось в груди так бешено, что в ушах стоял гул, а мысли путались. Даже когда она ждала результатов самых важных контрольных или получала нагоняй от завуча, она не робела так сильно.

Приблизившись к парню, она мысленно прокрутила заранее заготовленную речь и выпалила на одном дыхании:

— Е Мян... Ты ведь хочешь подтянуть оценки? Мечтаешь поступить в хороший вуз? Летом будут дополнительные занятия по физике, я думаю, тебе обязательно нужно записаться...

— Сорри, отойди на секунду.

Девушка стояла как раз под жирным комком паутины, свисавшим с потолочной балки. Е Мян занёс метёлку, дожидаясь, пока она уберётся с траектории падения пыли. Это был последний грязный угол в кабинете.

Смахнув серые хлопья, Е Мян повернулся, чтобы вежливо, но твёрдо отказать старосте, но той уже и след простыл.

За час дружной работы класс преобразился. Девчонки до блеска отмыли стёкла и плитку в коридоре, а парни взяли на себя всю тяжёлую работу.

Фан Ицзин молча тёрла окно. Сначала мокрой тряпкой, потом сухой — методично, раз за разом, уставившись в одну точку.

— Староста, ты чего тут зависла? — раздался за спиной весёлый голос Чжан Фаня. — Стекло уже так блестит, что в нём отражаются все твои прыщики на лбу.

Вздрогнув от неожиданности, Фан Ицзин прижала руку к груди:

— Чжан Фань! Напугал... Тебе чего надо?

— Ого, староста, а чего глаза такие красные? Ты что, реветь вздумала?

Чжан Фань терпеть не мог девичьих слёз. Чтобы замять неловкость, он схватил с подоконника свободную тряпку и принялся протирать верхнюю часть рамы. Девушка послушно пристроилась рядом, оттирая нижнее стекло.

Чистое стекло зеркально отражало их безмолвные фигуры. Ни слова не слетало с их уст — лишь мерно двигались руки.

— Ещё где-то помыть надо? Давай я сделаю.

Фан Ицзин качнула головой:

— Нет, спасибо. За мной только это окно.

— Ну ладно... Слышь, староста, это же просто семестровый зачёт, а не выпускной экзамен. Подумаешь, написала так себе, с кем не бывает? В следующий раз поднажмёшь и вернёшь свои законные баллы. Посмотри на меня: я каждый божий день заваливаю тесты и в ус не дую. Плохая оценка — это же не бан в любимой игре, жить можно!

Фан Ицзин с размаху бросила тряпку в ведро с грязной водой. Разговаривать не хотелось совершенно. Ну как объяснить этому остолопу то, что у неё на душе? Он ведь всё равно не поймёт. Да и с чего он взял, что она ревет из-за оценок? А даже если бы и так — разве нормальные люди так утешают? Язык так и чесался нагрубить ему в ответ.

Обида душила её. Подхватив ведро, Фан Ицзин быстро зашагала обратно в класс и юркнула в каморку для инвентаря. Чжан Фань настырно тащился следом, продолжая что-то бубнить под ухо.

— Да что тебе от меня надо?! — не выдержав, взорвалась Фан Ицзин и резко развернулась к преследователю. — Написала я плохо или хорошо, плачу я или смеюсь — тебя это вообще волновать не должно!

Крик принёс минутное облегчение, но следом накатила новая волна жгучей обиды. Голос у неё сорвался на визг, и на них тут же уставилась добрая половина одноклассников. Она уткнулась

лицом в парту и разрыдалась в голос.

«Какая же она дура! Выглядела сейчас как истеричка. И почему она вечно теряет дар речи рядом с Е Мянem? Стоит ему подойти — и она двух слов связать не может. Нет бы вести себя естественно, легко... Теперь он точно запишет её в разряд недалёких плакс и никогда на неё не посмотрит».

— Эй, Чжан Фань, ты страх потерял? Зачем девчонку довёл? — влез с ухмылкой крутившийся неподалёку Ван Сяомин.

— Завали пасть, Сяомин! — огрызнулся Чжан Фань, растерянно чеша затылок. — Не видишь, у неё трагедия из-за контрольной? Я её вообще-то успокоить пытаюсь, так что проваливай.

Когда с уборкой было покончено, он примостился на краешек стула рядом с Фан Ицзин. Чжан Фань искренне недоумевал: он ведь без задней мысли подошёл. Неужели он сморозил какую-то глупость? Но почему тогда её рыдания стали только громче? Ему, заядлому двоечнику, душу отличников было не понять. Подумаешь, пара неверных ответов! Да и Фан Ицзин раньше заваливала тесты, но никогда не устраивала из-за этого вселенский потоп.

— Эй, Фан Ицзин, — негромко позвал он.

Девушка понимала, что позорится перед всем классом. Капризные и плаксивые особы уж точно не во вкусе Е Мянem. С трудом взяв себя в руки, она собралась было подняться, но тут услышала своё имя. Обычно он звал её исключительно «старостой», и услышать от него собственное имя было непривычно. Не открывая заплаканных глаз, она хрипло выдохнула:

— Да что тебе ещё надо?

— Оценки-то ещё не выставили, только через пару дней узнаем. Вдруг ты всё написала идеально? Глядишь, опять в десятку лучших по параллели войдёшь.

— Я из неё и не вылетала, — буркнула Фан Ицзин.

— Оу... Ну тогда в пятёрку попадёшь, — неуклюже продолжал подбирать слова Чжан Фань.

— Спасибо за заботу, я оценила, — вздохнула девушка. — Но у меня сейчас правда нет сил на разговоры. Уйди, пожалуйста.

Он что, слепой? На них же косится весь класс!

Однако парень даже не шелохнулся. На самом деле у него был корыстный интерес:

— Вообще-то, староста... я это... записаться хотел. На физику летнюю.

«Даже этот бездельник берётся за ум», — поразилась Фан Ицзин, протягивая ему листок. Если уж Чжан Фань добровольно вызвался зубрить формулы, почему Е Мянью упорно воротит нос?

Уборка подходила к концу. Несколько человек домывали швабры и расставляли инвентарь по местам. Е Мянью возился у задней стены. Сюда согнали всю грязную воду из центра класса, и ему приходилось раз за разом выжимать потяжелевшую швабру.

Вдруг у входа раздался удивлённый возглас:

— Мать твоя женщина! Это ещё что такое?

— Ой, простите, извините ради бога...

— Брат Мянью! Выгляни на секунду, тут такое!

В коридоре поднялся переполох. Чжан Фань звал друга громче всех. Е Мянью проигнорировал первый окрик, но тот не унимался, надрывая глотку. Кто-то бесцеремонно схватил его за плечо и силой развернул к выходу.

— Да задолбал ты орать, Чжан Фань! У меня уши не казённые! На хрена так орать и руки распускать?

— Брат Мянью, это не я... — слышался робкий лепет со стороны окна. Чжан Фань стоял там с тряпкой в руках и испуганно моргал.

— Что?

Е Мянью вскинул голову и обомлел. Его запястье мёртвой хваткой сжимала чужая ладонь — узкая, с резко очерченными суставами. Бледная кожа была покрыта багровыми ссадинами, из тонких порезов сочилась свежая кровь. Державший его человек сжимал пальцы с такой силой, что костяшки побелели, а кожа Е Мянью под чужой хваткой посинела.

Перед ним стоял Чэн Лян. Лицо его казалось высеченным из льда, а в потемневшем взгляде застыла глухая, пугающая ярость. Он выглядел точь-в-точь как в их первую встречу: нелюдимый зверь, готовый перегрызть глотку любому, кто встанет на пути. Но страшнее всего было лицо: по лбу и щекам тянулись багровые ручейки, пачкая подбородок и воротник одежды. В тёмных волосах запеклась бурая грязь, смешанная со следами затылочного кровотечения. Пятна сырой земли покрывали его спину и штанины. Спереди куртка выглядела приличнее, но чистой её назвать язык бы не повернулся.

Е Мянь перехватил Чэн Ляна за запястье и властно рванул на себя:

— Пошли отсюда.

Он буквально поволок его к запасному выходу, разминувшись с входящим в класс Лао Чжаном.

— Эй, вы куда это намылились перед самыми каникулами? — крикнул им вслед учитель, но Е Мянь даже не обернулся.

Пропетляв по переходам, он затащил раненого в школьный туалет.

— Умойся. Ты весь в кровище, — Е Мянь выудил из кармана пачку бумажных платков и всунул ему в ладонь.

Чэн Лян застыл, безучастно уставившись в пол. Его взгляд блуждал где-то далеко, словно он пытался собрать воедино осколки недавних событий. Тяжело вздохнув, Е Мянь отобрал салфетки назад, вытянул одну, смочил под краном и принялся бережно стирать засохшую кровь с его лица, стараясь не задевать открытые ссадины.

Тонкая влажная бумага едва ли могла послужить надёжной преградой: тепло чужих пальцев мгновенно передалось коже, и Чэн Лян едва заметно вздрогнул. Парень приподнял веки. Е Мянь сосредоточенно хмурился, его движения были на удивление мягкими и аккуратными. В этом сосредоточенном взгляде не было ни капли брезгливости или раздражения — лишь спокойная забота.

Наконец Чэн Лян пришёл в себя.

— Всё нормально. Я цел, — тихо произнёс он.

— Ага, заметно, — хмыкнул Е Мянь и нарочно прижал салфетку сильнее.

Чэн Лян резко втянул воздух сквозь зубы.

— У тебя на лбу дыра размером с кулак, а он «цел»? Для тебя травма — это только когда полчерепа снесёт?

— Лао, уговорил, я ранен, — послушно согласился Чэн Лян. — Тогда будь нежнее. Вытри кровь с лица... и с рук тоже.

— Приказываешь? — фыркнул Е Мянь, но тереть не перестал.

— Умоляю.

Вести домой полуживого парня — сомнительное удовольствие. Для Чэн Ляна это был уже третий визит в скромную обитель Е Мяня.

— Падай где хочешь, чаем поить не буду, — бросил хозяин квартиры, закрывая за ними дверь.

Он порылся в аптечке. С их памятной драки двухмесячной давности у него осталась куча мазей и бинтов. Сверив срок годности на мятой коробке, Е Мянй облегчённо выдохнул — использовать ещё можно. Он швырнул медикаменты на диван рядом с Чэн Ляном и поставил перед ним настольное зеркало:

— Давай сам. А я пока приберусь.

В квартире не прибирались недели две. Ведро на кухне уже источало сомнительный аромат, а в раковине сиротливо высилась стопка вчерашней немытой посуды. Ленй окончательно его развратила. Е Мянй быстро смёл в пакет накопившийся на журнальном столике хлам, протёр пыль влажной тряпкой и расставил вещи по местам.

Чэн Лян подошёл сзади, держа в руках тюбик с мазью, и легонько ткнул его в спину. От неожиданности Е Мянй покачнулся и едва не вписался лбом в стену. Резко развернувшись, он злобно уставился на парня:

— Совсем страх потерял? Мстишь мне за ту салфетку?

— Обработай мне раны, а? — Чэн Лян жалобно протянул ободранные ладони. — Посмотри на мои руки, они же в хлам. Сил нет даже ватную палочку удержать. А голова трещит так, что к горлу тошнота подступает. Реально хреново.

Для пущей убедительности он картинно поморщился и нахально закинул руки Е Мяню на плечи, наваливаясь всем телом:

— Ноги не держат, сейчас грохнусь. Позволь опереться на тебя.

— Пошёл ты к чёрту! Не видишь — я занят? Раз разваливаешься, катись на диван и лежи смирно!

Е Мянй высвободился из-под его рук, бесцеремонно ссавив чужие конечности со своих плеч, но отпускать не стал — крепко взял за предплечье и потащил к дивану.

— Сядь нормально.

Старенькие пружины жалобно скрипнули, прогибаясь под весом двух тел. Они оказались лицом к лицу, непозволительно близко друг к другу.

На вид грубоватый и резкий, Е Мянью обрабатывал раны с поразительной нежностью. Ватная палочка едва касалась ссадин, оставляя после себя зудящее чувство прохлады и тупую, пульсирующую боль.

Чэн Лян заворожённо разглядывал его. Когда Е Мянью молчал, он казался совсем другим: длинные ресницы бросали тень на скулы, а правильные черты лица делали его похожим на какого-то изнеженного сказочного принца — нереально красивого и хрупкого.

«Ему ведь ещё шестнадцати нет... Совсем ребёнок».

Чэн Лян с трудом сглотнул. На переносице выступили бисеринки пота. Крупная капля сорвалась вниз, прокатилась по щеке и затекла в уголок губ, обжигая язык солью.

— Твоя забота дорогого стоит, — хрипло усмехнулся он.

Е Мянью бережно прижал пропитанный антисептиком тампон к его лбу, затем переключился на исцарапанные ладони. Руки Чэн Ляна выглядели так, словно он голыми руками продирался сквозь заросли шиповника.

— Разумеется. Мои услуги платные.

— И каков тариф? Готов выложить вдесятеро больше.

— Сто тысяч.

Чэн Лян тихо рассмеялся, согласно кивнув:

— Идёт, пусть будет миллион. Запиши на мой счёт, обязуюсь выплатить до конца жизни.

— Ещё где-нибудь прилетело или только лицо и руки пострадали? Снимай куртку, пока лимит на твой миллион не исчерпан.

Чэн Лян припёрся в школу в таком виде явно не просто так. Он удивлённо приподнял бровь — он не ожидал от сурового Е Мянью такой инициативы.

— Раз так, я раздеваюсь.

Он скрестил руки на животе, ухватился за подол толстовки, одним махом стянул её через голову и швырнул на пол.

— Осматривай. Мажь всё, что покажется подозрительным.

Тело ломило. Чэн Лян и сам толком не знал масштаба бедствия — в драке ему знатно досталось, он то и дело летел на землю под градом ударов, принимая весь урон на себя. Окажись на его месте обычный парень, он бы уже давно валялся в реанимации, не в силах даже пошевелиться.

— Твою ж... — Е Мянь осёкся, застыв с занесённой рукой. Он зло сплюнул: — Ну ты и придурок, Чэн Лян! Терпеть такие побои и даже не пикнуть! Если бы я не заставил тебя раздеться, ты бы так и молчал? В больницу пойти гордость не позволяет? Решил проверить, сколько протянешь перед тем, как откинуть копыта от потери крови прямо у меня на диване?

Лицо Чэн Ляна, теперь уже чистое от грязи и кровавой корки, пугало мертвенной бледностью. Он едва держался. К тому моменту, как последняя ссадина была бережно обработана мазью, Е Мянь сам взмок от напряжения.

— Чэн Лян, выкладывай: во что ты вляпался? Это не просто драка. Тебя месили толпой, верно?

Чэн Лян со стоном откинул голову на спинку дивана. Его обнажённая грудь и плечи блестели от целебного масла. Куртку надевать было нельзя — присохнет к свежим ранам.

— Закрыв пару старых долгов, — выдохнул он.

Ему нужно было раз и навсегда разобраться с прошлым, чтобы спокойно учиться дальше. Сам-то он неприятностей не боялся, но мысль о том, что под удар могут попасть здешние люди — а особенно упрямый малый, сидевший сейчас перед ним, — не давала ему спать по ночам. Тот ведь вообще был ни при чём.

— Теперь всё чисто?

— Да. Хвосты обрублены.

— Понятно, — Е Мянь помолчал немного, собирая разбросанные тюбики. — Завтра каникулы. Ты вещи из общаги забирать думаешь? Помочь дотащить?

Чэн Лян дружески хлопнул его по плечу и шутливо ущипнул за лопатку:

— Кожа да кости. Ты вообще ешь что-нибудь? Не парься, завтра за мной приедут и всё перевезут.

По правде говоря, барахла у него накопилось всего ничего: постельное бельё, матрас да стопки учебников. Книги, пожалуй, и были самым тяжёлым грузом.

<http://bllate.org/book/18333/1804570>